

Мужчина был на редкость хорош собой; в лучах солнца его волосы отливали мягкой желтизной. Было в его лице что-то неуловимо схожее с Жуньшэном, но стоило приглядеться внимательнее, как это сходство бесследно рассеивалось. Юйцин растерянно покосился на друга и заметил, что тот уже выпрямился на своем месте, напряженный как струна.

— Ты кто такой? — Жуньшэн не сводил глаз с незнакомца.

Тот тоже разглядывал стоявшего перед ним мальчишку. Помолчав, он неторопливо шагнул навстречу:

— Сын Цзинцзин, верно? Ишь как вымахал.

Мужчина протянул руку, намереваясь потрепать Жуньшэна по макушке.

Обычно вежливый и покладистый с чужаками, Жуньшэн на этот раз резко отпрянул, не давая к себе прикоснуться, и спрыгнул с каменного стола:

— Я вас не знаю.

Мужчина вынул сигарету изо рта и усмехнулся:

— Ничего, еще узнаешь. — Он принялся бесцеремонно рассматривать лицо мальчика. — Глядишь, со временем и отцом меня называть станешь.

Воздух вокруг словно в один миг заledenел. Юйцин услышал, как Эрмяо процедил сквозь зубы:

— У меня есть отец.

Мужчина лишь равнодушно пожал плечами, сунул сигарету обратно в рот и без лишних церемоний уселся на каменную скамью.

Лишь много позже Юйцин узнал, что этого человека звали Гао Цзяньпин и когда-то он был любовником Сюй Цзинцзин.

Из уборной наконец-то выбрался Маганьэр. Завидев ребят издалека, он удивленно крикнул:

— Вы чего тут застряли? Эрпан кучу кассет набрал, смотреть не будете, что ли?

Но Жуньшэн вдруг выхватил ключи от велосипедного замка и бросился прочь. Опешивший Юйцин только и успел заметить, как тот вскочил в седло и вихрем умчался со двора.

Юйцин звал его вслед, но, поняв, что друг даже не думает останавливаться, сам поспешно оседлал велосипед и ринулся в погоню.

Жуньшэн успел уехать далеко. Юйцину пришлось крутить педали так, что колеса завертелись бешеной каруселью, прежде чем он наконец нагнал его:

— Эй! Ты куда летишь?!

— К отцу! — зло бросил Жуньшэн навстречу бьющему в лицо ветру. — Хочу спросить, что за чертовщина тут творится!

— Твой отец в Цзянбэе! — взмолился Юйцин. — Да ты пока туда на велике доберешься, сто лет пройдет!

— Плевать мне, я...

Но Жуньшэн оборвал фразу на полуслове. Юйцин проследил за его взглядом и увидел, как по тротуару навстречу им идет инженер Фу, о чем-то вполголоса беседуя с немолодой женщиной.

Заметив Жуньшэна, Фу Чжэ остановился. Женщина тоже скользнула по мальчику взглядом, понимающе улыбнулась спутнику и зашла в двери придорожного хозяйственного магазина.

— Скоро ведь экзамены, — заговорил Фу Чжэ, глядя на сына. — Чего ты по улицам носишься?

Жуньшэн медленно слез с велосипеда. Впервые в жизни он ничего не ответил отцу.

Фу Чжэ тяжело вздохнул:

— Я просто заехал забрать кое-какие вещи.

— Отец... — запнувшись, позвал Жуньшэн.

Фу Чжэ долго молчал, уставившись под ноги, а потом тихо произнес:

— Не называй меня так больше. — Он легонько похлопал мальчика по плечу. — Учись прилежно.

Больше он не сказал ни слова. Из магазина вышла спутница с покупками в руках. Фу Чжэ смерил сына долгим, сложным взглядом — казалось, на языке у него вертелось что-то важное, но сорваться так и не решилось. Он лишь едва заметно вздохнул, поднял голову к небу, часто заморгал, и зашагал прочь.

Жуньшэн какое-то время смотрел ему в спину, а потом резко развернул велосипед и с яростной силой нажал на педали, устремляясь в противоположную сторону.

Юйцин отыскал его у реки. Жуньшэн сидел под мостом и с силой швырял камни в далекие заросли камыша. Подойдя ближе, Юйцин с ужасом понял, что тот целится в гнезда чаек. Птенцы вываливались из разбитых гнезд прямо на камни; их слабый, жалобный писк вскоре затихал навсегда.

Юйцин перехватил его руку.

Жуньшэн грубо вырвался и потянулся за новым камнем.

— Пожалуйста, не надо... — взмолился Юйцин.

Только тогда Жуньшэн замер. Поправив сползшие очки, он молча развернулся и стал карабкаться вверх по склону дамбы.

Он молча устроился на самом верху бетонного склона и принялся остервенело царапать осколком камня серый цемент. Поднявшись следом, Юйцин увидел неровно выведенный, кривой иероглиф: «Ненавижу».

Сердце у Юйцина сжалось от жалости к другу, но нужные слова никак не шли на ум. Ему хотелось, как всегда в тяжелые минуты, увести Эрмяо в какую-нибудь забегаловку перекусить, но Жуньшэн всем своим видом, тяжелым и глухим молчанием, давал понять — говорить с ним бесполезно.

В тот день они просидели у воды до самых сумерек. Когда догорела последняя полоска заката, Жуньшэн наконец поднялся и произнес своим обычным, ровным голосом:

— Пора домой.

Этот день будто с самого начала был проклят. Поужинав, Юйцин устроился у окна и вскоре заметил, как во двор, пошатываясь, вошла Сюй Цзинцзин. Ее бережно придерживал за плечи давешний долговязый мужчина. По всему было видно, что женщина мертвецки пьяна.

Юйцин слез с подоконника и вздохнул совсем по-взрослому.

В комнату вошла Ли Шуминь, чтобы сбрызнуть углы туалетной водой от комаров. Мазнув взглядом по окну, она брезгливо сплюнула:

— Стыдоба-то какая. Бесстыжая баба.

— Бабушка, кажется, родители Эрмяо разводятся, — тихо сказал Юйцин.

Ли Шуминь, целыми днями собиравшая с соседками все сплетни в округе, только головой покачала:

— Разводятся? Да какой там развод! В открытую блудит, шлюха драная. В жизни таких бесстыжих не видела. Счастье ее, что доносить сейчас некому, а попадись она лет десять назад — к стенке бы без суда и следствия пустили, и не один раз.

Юйцин промолчал. Ему было не понять ни бабкиного яда, ни того, за что человека можно расстрелять только потому, что он больше не хочет жить со своим супругом.

— А у этого их мальчишки мать такая, что и сам он, помяни мое слово, бандитом вырастет, — сокрушалась Ли Шуминь.

— Эрмяо тут ни при чем! — тут же вспыхнул Юйцин. — Мать — это мать, а он сам по себе!

— Простодушный ты у меня, — вздохнула бабушка. — Каким бы хорошим друг ни казался, всегда держи ухо востро. Не открывай душу нараспашку, не то продадут тебя с потрохами, а ты еще и деньги им считать полезешь. Мальчишка этот куда хитрее тебя будет. Не будь как твой отец — глазищами своими хлопает, а дальше собственного носа ничего не видит. Слепец слепцом.

Юйцин, получив нагоняй ни за что, залез в постель в самом скверном расположении духа.

Днем стояло пекло, так что перед сном он наглотался воды, а посреди ночи проснулся от нестерпимого желания сходить по нужде. Кое-как добравшись до уборной и потирая заспанные глаза, он вернулся в спальню. Сон не шел: в голове снова завертелись мысли об Эрмяо. Юйцин подошел к окну и вгляделся в темноту, выискивая взглядом соседский дом.

Окна во всем дворе давно погасли, и лишь в комнате Жуньшэна брезжил едва заметный, слабый огонек — не обычный яркий свет, а бледное свечение ночника.

«Все еще не спит», — подумал Юйцин. Он зевнул и уже собирался нырнуть под одеяло, как вдруг заметил во дворе странный темный силуэт, медленно нарезающий круги вокруг каменного стола.

Юйцин вздрогнул. Первая мысль была о ворах. Но, присмотревшись, он мгновенно узнал эти очертания.

Распахнув створку окна, он негромко позвал:

— Эрмяо?

Тень замерла.

Сон с Юйцина как рукой сняло. Накинув куртку и наспех обув стоптанные сандалии, он бесшумно выскользнул из квартиры.

Ночи в начале лета коварны и холодны. Юйцин поежился от поднявшегося от земли сквозняка, но Жуньшэн, казалось, замерз еще сильнее. На мальчишке были только майка, короткие шорты да дешевые пластиковые шлепанцы на босу ногу. Бог весть сколько времени он уже мерил шагами этот пустой двор.

В густой тьме Юйцин различал лишь его пустой, отрешенный взгляд.

Юйцин осторожно взял его за руку. Жуньшэн тут же крепко сжал его ладонь в ответ и безропотно позволил увести себя в темень Северного здания.

В безмолвном подъезде Юйцин шепотом спросил:

— Ты чего на улице торчишь?

— Ключи дома забыл, когда выходил, — хрипло отозвался Жуньшэн.

Юйцин не стал расспрашивать дальше. Он и сам прекрасно обо всем догадывался — бабкины пересуды не шли из головы. Бесшумно повернув ключ в замке, он прошептал одними губами:

— Переночуешь у меня.

Из комнаты Ли Шуминь не доносилось ни звука — старушка спала крепким сном. Юйцин завел друга к себе, осторожно притворил дверь и щелкнул выключателем настольной лампы.

Жуньшэн сразу забрался на кровать и свернулся калачиком, мелко дрожа. Юйцин налил ему теплой воды в свою кружку и присел рядом.

Тот перехватил кружку обеими руками и жадно выпил всё до последней капли. Когда он поднял лицо, Юйцин содрогнулся: глаза у Жуньшэна были красными и опухшими от слез, а нижняя губа оказалась разбита в кровь.

Юйцин легонько коснулся пальцами ранки:

— Опять мать руку приложила?

Жуньшэн не отпрянул, лишь провел кончиком языка по ссадине:

— Нет. Сам сдуру прикусил. — Он опустил голову на подушку. — Спать охота. Можно я лягу?

Юйцин убрал кружку, погасил свет и прилег рядом. Слегка похлопав друга по плечу, он тихо прошептал:

— Не думай об этом. Этот мужик завтра точно уберется.

Жуньшэн ничего не ответил. Юйцин коснулся его плеча — кожа была ледяной. В разгар летней ночи Жуньшэн казался насквозь промерзшим.

Юйцин натянул одеяло, укрывая их обоих с головой.

После полуночной беготни усталость взяла свое. Юйцин повернулся на бок и вскоре сладко задремал. Засыпая, он почувствовал, как Жуньшэн, все еще ища спасения от холода, крепко обнял его со спины.

Ему приснился удивительно хороший сон. Будто они с ребятами катаются на лодке по реке и ловят огромную, сияющую чистым золотом рыбу. Ее чешуя так ярко блестела, что слепила глаза, а сама она то и дело шумно плескалась, брызгая прохладной водой прямо ему на спину.

Он открыл глаза. Тонкий луч утреннего солнца пробивался сквозь щель в шторах и щекотал лицо.

Жуньшэн уже проснулся и безучастно сидел рядом, мертвой хваткой вцепившись в скомканное одеяло.

Юйцин сладко потянулся. Настенные часы показывали едва за четыре утра — окна его спальни выходили на юг, и летом рассветы здесь наступали неприлично рано.

Он дотянулся до занавески и задернул ее поплотнее:

— Рано еще, поспи. Отодвинься немного, а то ты меня совсем на пол выжил.

Но Жуньшэн не пошевелился. Юйцин придвинулся ближе:

— Ты чего? — Он потянул за край одеяла, но друг прижал его к груди еще крепче, словно защищая какую-то тайну.

Тут явно было что-то не так. Юйцин коснулся его лба, и Жуньшэн мгновенно вспыхнул до

корней волос, испуганно отпрянув в сторону. Из-под его коленей показалось мокрое пятно на простыне.

— Ты что, в постель надул? — поразился Юйцин.

Жуньшэн побагровел и с силой швырнул одеяло Юйцину прямо в лицо:

— Сам ты надул! — Он рывком поднялся и, тщетно пытаясь вернуть лицу невозмутимый вид, буркнул: — У тебя есть чистые трусы? Дай переодеться.

До Юйцина наконец дошло, в чем дело. Вот оно что! Значит, та самая штука, про которую он вчера вычитал в книжке, случилась с другом наяву.

Он достал из шкафа чистые шорты и с заговорщицкой улыбкой протянул Жуньшэну:

— Ну и что тебе снилось?

Красное лицо Жуньшэна вдруг резко побледнело.

— Ничего, — глухо отрезал он.

Он уже собрался стянуть мокрые трусы, но вдруг замешкался и демонстративно отвернулся к стене.

Юйцин смотрел на его спину. Они росли бок о бок, делили все секреты и никогда ничего друг от друга не скрывали. И эта неожиданная стена заставила Юйцина ощутить укол легкой, щемящей грусти: его Эрмяо повзрослел немного раньше, чем он сам.

<http://bllate.org/book/19415/1960878>